

В эти дни мы обращаем свое душевное движение, свои мысли к Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу: 90 лет назад, 25 сентября 1906 года, он пришел в мир. Начался его тернистый и неповторимо славный путь.

Такая пронзительная, узнаваемая, трагическая, — музыка Шостаковича рождалась в нашей родной стране — России XX столетия.

Все мы — благодарные соотечественники Дмитрия Шостаковича — испытали, каждый по-своему, сильное влияние его музыки, его имени, его образа.

Дмитрий Дмитриевич обладал абсолютным моральным авторитетом в России и в мире. Его дар музыканта и творца музыки, его владение тайнами мастерства, обретение своего могучего голоса — был ли он тихим или звучал, как набатный колокол над глубоко задумавшейся Россией — позволили великому искусству Шостаковича стать в ряд наших общенациональных ценностей.

Шостакович навсегда вошел в жизнь России.

В.Черномырдин

РИА "Новости"

Музыка. — 1996. — 28 сент. — С. 1.

КУЛЬТУРА — 1996. — 28 сент. — С. 13.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Наверное, самой судьбой была предначертана трудная жизнь балетам и операм Шостаковича. Не стала исключением и его замечательная опера на гоголевский сюжет "Нос".

БОРИС ПОКРОВСКИЙ:

Мы всегда с "Носом", и очень рады!

Дмитрию Дмитриевичу было всего 22 года, когда он закончил партитуру. И около двух лет понадобилось, чтобы опера появилась на сцене в Ленинградском Малом оперном театре, — премьера состоялась в январе 1930 года. Произведение вызвало самые разнообразные отклики: одни безжалостно, беспощадно критиковали автора; другие превозносили (меньшинство!). Известно, что на спектакле присутствовал Киров и что опера ему не понравилась. Однако в отличие от Сталина, "приговорившего" "Леди Макбет", он своего мнения не навязывал и даже вроде бы сказал, что не следует бояться риска, если ставишь перед собой большую цель. Тем не менее "Нос" не только был снят с репертуара, но и вообще "изъят из употребления" в нашей стране.

Меня свела с этой оперой поездка в Берлин. Я ставил там спектакль, а немецкие коллеги как раз выпускали премьеру "Носа".

Естественно, меня очень интересовало, что у них получилось. Получилось хорошо. И режиссура, и исполнение — все было великолепно. Дмитрий Дмитриевич присутствовал на премьере, и зал приветствовал его стоя. Это был подлинный праздник Шостаковича и его музыки. В антракте я тут же бросился его поздравлять. "Как хорошо! Наконец-то дождался! Замечательно!". И вдруг вижу его расст-

роенное, почти трагическое лицо. Минуту помолчав, он тихо, с горечью произнес: "Но ведь эта опера национальная..." Вот в то самое мгновение я и дал себе слово непременно поставить эту оперу. Пусть наши ретивые "критики" утверждают, что музыка Шостаковича чужда русскому народу. Я буду верить композитору!

Спустя 44 года после "сфабрикованного" ленинградского провала, 12 с сентября 1974 года состоялась премьера "Носа" на сцене нашего Камерного театра. Далась она нелегко. Партитура — необычайно сложная, артисты поначалу просто с ума сходили, ничего понять не могли. Единственным человеком, который понимал, был дирижер Геннадий Николаевич Рождест-

венский. Но главное, что помогло нам в подготовке спектакля, — присутствие самого Дмитрия Дмитриевича. Он был на всех репетициях, на всех спектаклях! И всегда нас подбадривал: "Все вы знаете, все сумеете сделать". И мы, конечно, очень старались.

Работа шла претрудная. И вот любопытный момент, который мне никогда не забыть. Родилась наивная мысль увлечь этой оперой артистов Большого театра. Я принес чешские записи концертного исполнения, так через пятнадцать минут после начала прослушивания из всех присутствовавших остались только двое — певец Алексей Маслеников, страстно влюбленный в эту оперу, и дирижер Борис Хайкин, тоже знавший це-

ну предложенному "товару". Остальные не поняли и не приняли. Да и едва ли кто-нибудь из вокалистов Большого тогда, да и сейчас тоже, мог осилить эту музыку...

А у нас опера идет на протяжении вот уже 22-х лет, она стала даже как бы эмблемой или визитной карточкой Московского камерного театра. Ни на одни гастроли мы не выезжаем без "Носа"! Вскоре в пятый раз мы едем в Японию — и в пятый раз нас просят привезти этот спектакль.

Не скрою, я горжусь этим спектаклем. Хорошо ли я его поставил, плохо ли, все равно горжусь. Тем, что возродил оперу, тем, что она оказалась такой жизнестойкой. И тем, что в создании спектакля принимал личное участие сам автор. Нет, он не вмешивался в работу, не делал мне замечаний. (Должен сказать, что великие композиторы вообще никогда не делают замечаний режиссерам. Но это так, к слову).

Дмитрий Дмитриевич в силу необычайной своей застенчивости, интеллигентности был предельно деликатен. Он внимательно следил за ходом репетиций, но все время молчал. Высказался лишь однажды. На все оркестровые эпизоды я придумал сценическое действие (меня, кстати, крепко за это ругали, говорили, что я не понимаю Шостаковича и разрушаю его идею). А Шостакович-то как раз

на репетиции и сказал, что это ему кажется очень интересным. Зато если на сцене или в оркестре что-то происходило не так, только брал за руку Рождественского или меня — чтобы мы не ругались и не ругали артистов, им, дескать, и без того трудно, либо, если уж очень надо было что-то сказать, предварительно спрашивал у нас разрешения. Так шла наша работа...

Время вносит свои коррективы. То, что раньше казалось необычайно трудным и непривычным, сегодня воспринимается совсем иначе. Не буду лукавить, поначалу я тоже воспринимал оперу Шостаковича как невероятно сложные (и также все мои исполнители!). Однако знал, что Шостаковича ставить надо. И говорил Геннадию Николаевичу. Правда, он и сам это понимал. И знал настоящую цену этой музыке, знал, что это хорошо. Я-то не знал, просто верил в то, что это так. Теперь знаю твердо. И публика наша знает тоже.

Всех приходящих в труппу молодых актеров мы обязательно включаем в наш очень старый, издававший виды спектакль. Они входят в него так, как будто это очень просто, как в оперу Чайковского. Легко усваивают, легко учат, легко исполняют. Вот что такое время и что такое великий композитор, который писал, смотря в будущее. Оно наступило.

Б.Покровский и Д.Шостакович